

Тема 3. СТАНОВЛЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

О критике (письмо к издателям «Вестника Европы»)

Будучи усердным читателем вашего журнала и желая вам искренно успеха в его издании, почитаю обязанностию сообщить вам слышанный мною недавно любопытный разговор, которого поводом было ваше объявление о «Вестнике» на следующий год, припечатанное в московских газетах.

Я обедал на сих днях у одного моего знакомого. Это человек старого времени, совсем неученый, но одаренный здравым рассудком; он не знает иностранных языков, но любит читать и все хорошие русские книги (оригинальные и переведенные) прочитал от доски до доски; любит поэзию, но одну русскую, ибо иностранных поэтов знает только по слуху или в некоторых переводах (следовательно, почти не знает, ибо вы сами признаетесь, что большую часть переводов можно сравнить с *ложными слухами*, которые и самую истину нередко превращают для нас в небылицу). Он имеет что-то похожее на вкус, но по справедливости можно назвать его суевером во мнениях о словесности, ибо все старое кажется ему прекрасным потому единственно, что оно старое. Вообще он боль-

шой неохотник до критики; умея чувствовать изящное, он мало оскорбляется тем, что оно бывает иногда *смешано с дурным*; скажу более: самое дурное, от своего смешения с хорошим, бывает для него или сносно, или и совсем незаметно. У него нашел я общего нашего знакомого, умного и весьма образованного человека. Он не автор, но судит с великою основательностью о произведениях писателей. Он любит изящную словесность и в особенности занимался ее теориею: его мнения о поэтах, ораторах и вообще о произведениях искусства основаны на правилах верного и образованного вкуса.

Рассуждая о литературе, коснулись и вашего «Вестника». «Вот новость, – сказал мой *Стародум* (назову его *Стародумом*), подавая общему приятелю нашему тот листок газет, в котором помещено ваше объявление. – Издатели располагаются угощать нас критикою; весьма любопытно знать, что из этого выйдет; но, признаюсь вам, ничего доброго не обещаю себе от критики: что пользы нападать на писателей, которых и без того у нас очень немного? И нужно ли заводить междуусобия в спокойной республике литературы, превращать ее в поле сражения, на котором одинакое бесславление ожидает и победителя и побежденного, а нас, читателей, сделавшихся просто зрителями, принуждать смотреть, смеяться и, может быть, презирать жалких людей, забавляющих нас своими ссорами? И ссору автора с критиком не можно ли по справедливости сравнить с сражением петухов, забавным только для тех, которые на него смотрят и держат большой заклад? Я твердо уверен, что такие забавные ссоры много вредят литературе и необходимо унижают почтенный характер писателя».

«Позвольте с вами не согласиться, – отвечал наш общий приятель. – Уверяю вас, что вы испугали себя привидением: или я ошибаюсь, или понятие, составленное вами о критике, весьма несправедливо. *Ссора, сражение, междуусобия* – все эти ужасные слова, которыми вы окружили миролюбивое слово *критика*, совсем не принадлежат к ее *свите*. Критика есть суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату – чувствуете удовольствие или неудовольствие – вот вкус; разбираете причину того или другого – вот критика. И все ваше несходство с настоящим критиком состоит единственно в том, что вы рассуж-

даете наедине с собою о таком предмете, о котором он говорит в присутствии многих, имеющих полное право соглашаться с ним или не соглашаться, – значит ли это заводить междоусобие в спокойной республике литературы? И почему ж унижительно говорить свое мнение вслух о таком предмете, который можно назвать собственностью строгого мнения. Разумею здесь все произведения словесности и изящных художеств».

«Но прошу покорно заметить, не сами ли вы уничтожили пользу критики, сказав, что каждый читатель есть сам по себе уже критик? Позволено ли *одному* представлять целое общество? И не безумное ли высокомерие почитать себя голосом публики или присвоивать себе способность давать законы ее суждениям?»

«И в этом случае позволяю себе думать различно с вами. Напрасно приписываете вы критику неприличное намерение быть законодателем мнений. Положение автора можно, с одной стороны, сравнить с положением человека, разговаривающего в обществе: первый говорит большими монологами, на которые или не дают ему ответа, или отвечают ему в критике; другой выражается в нескольких словах, слышит ответы, делает возражения – то же, что критика: отвечать на бумаге, отвечать на словах – не все ли равно? Где же намерение быть законодателем мнений? Одно необходимое условие – учтивость. Предлагайте мысли свои, не думая, чтобы они были неопровержимы. Правда, что каждый читатель есть сам по себе критик, ибо он думает и судит о том, что читает; но следует ли из того, чтобы критика была бесполезна? Я сомневаюсь. Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются с темным и весьма беспорядочным о ней понятием – это происходит или от непривычки мыслить в связи, или от некоторой беспечности, которая препятствует им следовать своим вниманием за мыслями автора и разбирать впечатления, в них производимые красотами или недостатками его творения; другие читают, мыслят, чувствуют, замечают прекрасное, видят погрешности – и в голове их остается порядочное, полное понятие о том, что они читали. Некоторые, прибавлю, судят криво и косо о произведениях изящного, потому что вкус их и рассудок или испорчены предубеждениями, или весьма еще мало образованны и требуют направления. Для первых благоразумная критика полезна бывает тем, что она может служить Ариадниною нитью их рассудку и чувству, которые без того поте-

рялись бы в лабиринте беспорядочных понятий и впечатлений; она облегчает для них работу ума; соединяет и приводит в систему то, что им представлялось без связи и по частям, побеждает их беспечность и, избавляя внимание от тягостного усилия, приводит их кратчайшим путем к той цели, к которой не могли бы они достигнуть без указателя. Другим доставляет она случай сравнивать собственные понятия с чужими, более или менее основательными, и, следовательно, представляет им с другой точки зрения те предметы, которые они уже с одной или с некоторых рассматривали; от такого сравнения рождаются новые понятия или объясняются и становятся положительнее старые. Но главная и существенная польза критики состоит в распространении вкуса, и в этом отношении она есть одна из важнейших отраслей изящной словесности, прибавлю, и философии моральной. Что такое вкус? Чувство и знание красоты в произведениях искусства, имеющего целию подражание природе нравственной и физической. Научась живее чувствовать красоты подражания, мы необходимо становимся чувствительнее и к красотам образца. Человек с образованным вкусом (который всегда основывается на чувстве и только *управляем* бывает рассудком) должен быть и в своей нравственности выше необразованного. Критика, распространяя истинные понятия вкуса, образует в то же время и самое моральное чувство; *добро*, красота моральная в самой натуре, отвечает тому, что называется *изящным* в подражаниях искусства; следовательно, с усовершенствованием одного соединяется и усовершенствование другого. Из всего, мною сказанного, можете заключить, что звание критика и весьма важное и весьма трудное. Вот идеал, составленный мною о его характере: истинный критик, будучи одарен от природы глубоким и тонким чувством изящного, имеет проницательный и верный ум, которым руководствуется в своих суждениях; чувство показывает ему красоту там, где она есть, во всех ее оттенках и самых нежных и самых нечувствительных; рассудок определяет истинную цену ее и не дает ему ослепляться ложным блеском, иногда заменяющим прямо изящное. Он знает все правила искусства, знаком с превосходнейшими образцами изящного; но в суждениях своих не подчиняется рабски ни образцам, ни правилам; в душе его существует собственный идеал совершенства, так сказать, составленный из всех красот, замеченных им в произведениях изящного, идеал, с которым он

сравнивает всякое новое произведение художника, идеал *возможного*, служащий ему верным указателем для определения степеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведениях искусства, которые не иное что, как подражание природе, надлежит хорошо быть знакомым и с самым предметом подражания – с природою. Возьмите в пример самый высокий из всех родов поэзии – эпическую поэму. В ней видите нравственный мир со всеми его страстями и мир физический со всеми его прелестями и великолепием. Спрашиваю: будет ли в состоянии критик определить достоинство стихотворца в изображении страстей и характеров, если ни действия страстей, ни тайны характеров, которые надлежит наблюдать в самом человеке, ему неизвестны? Заметит ли он верность или неверность в изображениях физической природы, если иногда сам не восхищался ее красотою, если очарование вечера, или спокойное величие утра, или приятность тенистых долин, или ужасы диких утесов, неподвижных посреди ниспадающих с вершины их водопадов, не имеют ничего привлекательного для его сердца? Истинный критик должен быть и моралист-философ и прямо чувствителен к красоте природы. Скажу более: он должен быть и сам *морально-добрым* или по крайней мере иметь в душе своей решительное расположение к добру, ибо доброта моральная, как я уже сказал прежде, служит основанием чувству изящного, и последнее, не будучи соединено с первым, никогда не может иметь надлежащей верности. Наконец, хочу найти в нем пламенную любовь к искусству: он должен иметь о нем понятие высокое: в противном случае никогда не составит в голове его тот идеал совершенства, без которого мысли его не будут ни живы, ни убедительны. Само по себе разумеется, что критиков, близких к моему идеалу, весьма немного: Лонгины, Джонсоны, Аддисоны, Лагарпы, Лессинги так же редки, как и великие художники, которых творениям они научили нас удивляться».

«Надобно согласиться, что ваше изображение критика может привести в отчаяние и самого неустрашимого рыцаря критики; и я имею причину думать, что господа издатели «Вестника», которые так смело выступили на сцену критики в своей газетной прокламации, не близки к вашему идеалу (извините, я повторяю, что слышал), но позвольте мне сделать одно замечание: из всех ваших рассуждений не имею ли я права заключить, что критиком (таким, ка-

кого вы описали) может быть один только художник? Кому лучше живописца судить о живописи и лучше поэта о стихотворстве? Артисту, более нежели другим, должны быть известны все тайны его искусства, и не должно ли наперед самому написать что-нибудь превосходное, чтобы иметь способность и право критиковать произведения искусства?»

«Замечание ваше, если хотите, и справедливо и нет. Хороший артист не может не быть и хорошим судьей своего искусства, это правда; но из этого еще не следует, чтобы способность рассматривать произведения искусства непременно соединена была с способностью производить изящное. Лагарп – посредственный трагик; но кому лучше его известна теория драматического искусства? И его примечания на трагедии Расина и Вольтера не лучше ли несравненно тех примечаний, которые великий Корнель, сей превосходный трагик, написал на собственные свои трагедии? Творец действует по вдохновению: он быстро угадывает те красоты, которые критик, руководствуемый чувством изящного, с медлительностию рассудка рассматривает в самом их происхождении. Сия медлительность в работе *разбирающего* вкуса едва ли сообразна с быстротою *творческого* духа; и мы не всегда находим их соединенными в одном и том же человеке. Способность восхищаться красотою, способность угадывать тот путь, по которому творческий гений дошел до своей цели, то есть до произведения изящного, не есть еще творческий гений – она степени ниже; не всякому дано от природы производить великое; но тот всех ближе к великому, кто лучше других угадывает его тайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручил бы последнему быть толкователем первого, ибо он способнее входить в такие подробности, которые первый, объемлющий все одним взглядом в целом, пренебрег бы как бесполезные, а потому не объяснил бы нам удовлетворительно своего образа действовать».

«Благодаря вам я помирился с критикою, но должно признать, что не все расположены к ней так милостиво, как вы. Я наименовал бы некоторых известных писателей, которые ненавидят как самую критику, так и важных господ критиков. Например, Фильдинг (которого прекрасный роман, лучший из всех романов, умерщвлен для нас, русских, в безбожном переводе) называет их публичными клеветниками, немилосердно марающими *доброе* имя

книг. Едва ли можно перечесать те приятные титулы, которыми их награждают: это завистники, ядовитые пасквилянты, неприятели славы, и прочее и прочее. Что скажете?»

«Скажу, что все это относится к одному только злоупотреблению критики и что имена завистников, ядовитых пасквилянтов, неприятелей славы принадлежат единственно таким людям, которые вооружаются критикою не для пользы вкуса, а в угождение собственным своим страстям: зависти, мщению и пр. Но это – самозванцы-критики, и их-то смешные ссоры с писателями можно по справедливости сравнить с сражением петухов, забавных для одних только зрителей. Некоторые из них нападают на превосходного автора из одной ненависти к превосходству; другие отмщают на счет вкуса за личное оскорбление; иные (и, кажется, большая часть) имеют в виду одно остроумие и колкостями насчет хорошего и дурного без разбора угождают врожденной насмешливости читателя.

Таких забавных или презрительных актеров было весьма много на сцене французской литературы, и некоторые (например, Фрерон) прославились своим бесславием. У нас еще ничего подобного не бывало, вероятно, потому, что мы не богаты произведениями собственными, может быть, также и потому, что русские несколько равнодушны ко всему русскому, а критика, и хорошая и дурная, существует только там, где литература есть один из любимых предметов всеобщего внимания. Как бы то ни было, злоупотребление вещи не унижает достоинства. Но прибавлю, звание критика соединено само по себе с некоторыми неизбежными опасностями; критик имеет дело с самолюбием, и, что всего важнее, с самолюбием авторским (которое по своей раздражительности занимает первую степень между всеми родами самолюбия); следственно, он всегда подвержен опасности оскорблять и самым скромным и самым умеренным суждением. В таком случае спасут его одни следующие правила: пусть будет он совершенно беспристрастен (беспристрастие можно назвать *честностию* критика); пускай имеет в виду единую пользу искусства, остерегается предубеждения и не позволяет себе быть судьей в таких случаях, в которых какая-нибудь личность нечувствительно может замешать в приговор его пристрастие. Думаю также, что, разбирая произведения изящные, он должен более останавливаться на красотах, нежели на погреш-

ностях, и, замечая только одни важные ошибки, выставять превосходное, ибо всякая новая красота есть приобретение искусства, есть новый шаг его к совершенству. Наконец, язык его должен быть важен и прост, и только в необходимых случаях (когда простое убеждение недостаточно) позволяется ему употребить оружие насмешки. Насмешка производит не убеждение, а предубеждение; она должна быть только пособием здоровой логики и тем более опасна, что может унизить самое превосходное. Известно, что забавные софизмы Вольтера повредили для многих важным и спасительным истинам христианства».

«Все мнения ваши справедливы; но спрашиваю: много ли найдется случаев такой критик, какого вы описали, применять свой идеал изящного к произведениям наших писателей и художников? Нельзя ли по справедливости подозревать, что он совсем останется у нас без дела?»

«Ваша правда, мы еще не богаты произведениями превосходными; наша словесность едва начинает выходить из младенчества; оригинальных русских книг весьма немного (я говорю об одних хороших); зато какое множество переводов, и каких переводов! Их смело можно назвать *оригиналами*, ибо они совершенно никакого не имеют сходства с подлинниками. Что же делать критику посреди сего наводнения, в котором утопает наша несчастная словесность? Говорить об искусстве и слоге, рассматривая такие книги, в которых нет и следов искусства и слога, значило бы сражаться с ветряными мельницами. Но я и рассматривание вздорных книг за неимением хороших не почитаю совсем бесполезным. Критика может быть у нас *приготовлением* к хорошему. Разбирая и, если угодно, осмеивая безобразные переводы романов, которыми книгопродавцы без всякой пощады нас угощают, она сделает нас по крайней мере взыскательными, по крайней мере научит называть дурное дурным; а чтобы познакомить нас с истинно прекрасным, пускай обращает наше внимание на произведения старых или давно уже известных классических писателей наших. В сочинениях Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина и еще некоторых новейших найдутся образцы, довольно близкие к тому идеалу изящного, который должен существовать в голове каждого критика. Причины же небогатства нашей словесности...»

Тема 3. Становление романтической критики

Разговор был прерван на самом этом месте прибытием нескольких посторонних людей. Я простился с моим знакомцем, побежал домой и записал для вас слышанное; надеюсь, что некоторые мысли моего почтенного адвоката критики будут полезны и для вас.